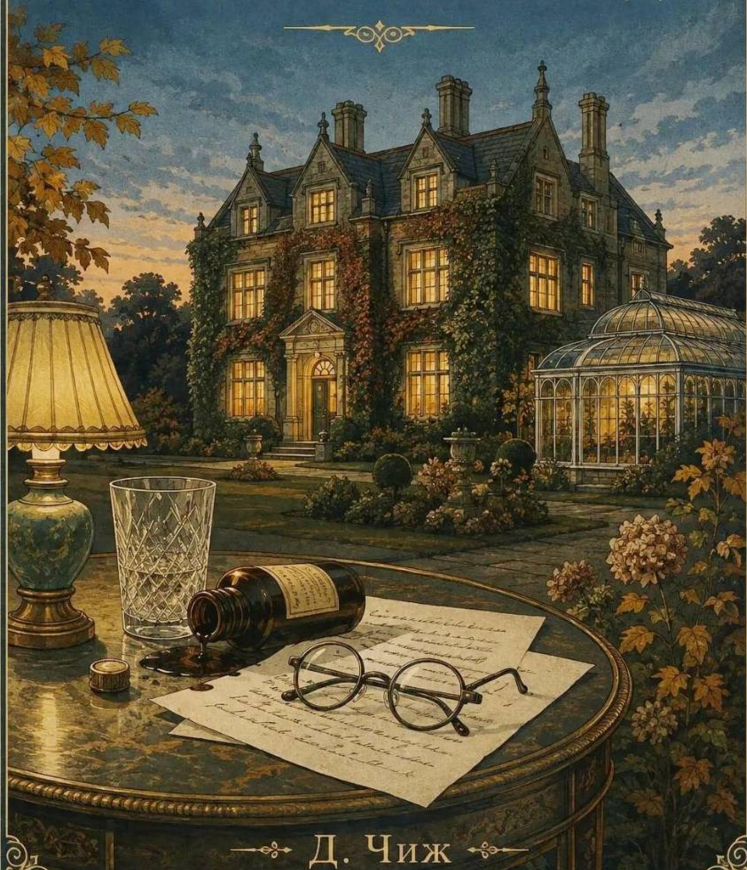

СМЕРТЬ В ХИЛЛКРЕСТ-ГРЕЙНДЖ

—❖— Д. Чиж —❖—

Д. Чиж

Смерть в Хиллкрест-Грейндж

<https://litres.ru/74378687>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестидесятый день рождения угольного магната сэра Реджинальда Ашворта должен был закончиться тостами и фейерверком — а закончился телом хозяина дома в кресле библиотеки и каплей яда в его вечернем лекарстве. Загородное поместье, полное гостей, каждый из которых был бы рад, доживи именинник до понедельника чуть меньше: разорившийся сын с карточными долгами, его невеста с неудобной тайной, нервный поверенный, старый друг с грузом тридцатилетнего молчания — и тихая воспитанница, которую вся семья привыкла не замечать.

Расследовать это дело берутся Гидеон Аштон — аналитик, чья способность видеть за очевидным неочевидное однажды спасла невиновного, — и его старый друг доктор Хейл.

Содержание

Глава I. Гости съезжаются к обеду	4
Глава II. Библиотека	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Д. Чиж

Смерть в

Хиллкрест-Грейндж

Глава I. Гости съезжаются к обеду

Если бы меня спросили, когда именно всё пошло не так в тот уикенд в Хиллкрест-Грейндж, я бы, пожалуй, назвал не тот миг, когда мы нашли тело сэра Реджинальда, а куда более ранний — тот момент за обедом, когда хозяин дома постучал ножом по бокалу и с широкой, слишком широкой улыбкой объявил, что у него, дескать, «есть для всех небольшой сюрприз, который он приберегает до утра понедельника». После этой фразы, помнится, за столом воцарилась тишина, в которой было куда больше страха, чем в ней полагается быть после подобного объявления на дне рождения.

Но я забегаю вперёд — привычка, за которую Аштон меня вечно журит, утверждая, что хороший рассказчик, как и хороший сыщик, обязан излагать факты в том порядке, в каком они происходили, а не в том, в каком они всплывают в памяти. Начну же, как подобает, с самого начала.

Приглашение пришло к Аштону в четверг, коротенькой запиской на плотной кремовой бумаге:

«Дорогой Гидеон, стукнуло шестьдесят — можешь себе представить? Хочу отпраздновать как следует, соберётся вся семья и несколько старых друзей. Приезжай непременно, и, разумеется, привози доктора Хейла, если он не разучился ещё выносить наше общество. Твой Реджи»

— Сэр Реджинальд Ашворт, — пояснил мне Аштон, протягивая записку через стол за завтраком, с той характерной, чуть насмешливой улыбкой, что появляется у него всякий раз, когда он вспоминает о своей учёбе в Кембридже. — Мы делили комнату на первом курсе. Он тогда мечтал стать поэтом, Хейл, можете себе представить? Писал ужасающие сонеты о лунном свете и о бренности всего сущего. Кончилось тем, что он унаследовал угольные шахты дядюшки и стал одним из богатейших людей в графстве. Жизнь временами куда изобретательнее любого сюжета.

Здесь, пожалуй, самое время сказать несколько слов о самом Аштоне — тем более что за годы нашего знакомства я, признаться, узнавал о нём куда больше по крупичкам, обронённым в разговоре, нежели из его собственных признаний. Он не любит говорить о себе, полагая, вероятно, что человек интереснее в своих наблюдениях над другими, нежели в своих воспоминаниях о себе самом. Знаю, что он был вторым сыном в семье с недурным именем, но скромным состоянием, что по этой самой причине в юности ему пришлось выбирать между модной в его кругу праздностью и каким-нибудь занятием, требующим ума, а не денег, — и что

он выбрал последнее, не без некоторого фрондёрства, к вящему неудовольствию своей матери, всё ещё, кажется, лелеющей надежду увидеть сына если не в парламенте, то хотя бы в адвокатской мантии. Знаю, что он не пьёт вина за обедом, предпочитая ему воду, — не из принципа, по его словам, а потому лишь, что вино притупляет наблюдательность ровно настолько, чтобы упустить самую важную деталь вечера. Знаю, что у него есть страсть, в которую он вкладывает столько же методичного внимания, сколько и в свои расследования, — орхидеи, две дюжины горшков которых теснятся на подоконниках его квартиры, к неизменному раздражению его квартирной хозяйки. И знаю, наконец, что где-то в прошлом его кроется история — какая-то давняя несправедливость, о которой он обмолвился лишь однажды, за стаканом виски холодной зимней ночью, — что-то о друге юности, обвинённом в краже, которой тот не совершал, и о том, как трудно, оказывается, восстановить репутацию, даже доказав невиновность. Я подозреваю, что именно эта давняя история и сделала его тем, кем он стал: человеком, для которого очевидное обвинение есть не конец расследования, а лишь приглашение к нему.

Что до меня самого, читатель, вероятно, уже знает достаточно из моих прежних записок, чтобы не докучать ему повторным представлением; замечу лишь, что моя маленькая практика на Харли-стрит в ту пору процветала настолько, что позволяла мне без зазрения совести брать отгул на длин-

ный уикенд, а моя жена, устав, по её собственному выражению, «делить мужа с чужими тайнами», отправилась тем летом гостить к сестре в Борнмут, оставив меня свободным для приключений, к которым, признаюсь, я питаю слабость куда большую, нежели готов признать перед пациентами.

Хиллкрест-Грейндж оказался именно таким домом, каким и полагается быть загородному поместью разбогатевшего угольного магната: обширным, респектабельным, обставленным с тем избытком вкуса, что выдаёт скорее наличие хорошего декоратора, нежели собственного чувства прекрасного, — и до отказа набитым родственниками, чьё присутствие объяснялось, я подозреваю, не столько любовью к сэру Реджинальду, сколько интересом к содержимому его заветания.

Хозяин встретил нас на крыльце самолично — грузный, краснолицый мужчина с зычным смехом и рукопожатием, способным сокрушить кости менее закалённому гостю, чем Аштон.

— Гидеон, старый чёрт! И доктор Хейл — наслышан, наслышан! Идёмте же, идёмте, я всех соберу к чаю, и вы сможете полюбоваться на мой курятник — фигурально выражаясь, разумеется.

«Курятник», как выяснилось за чаем в гостиной, состоял из следующих особ.

Седрик Ашворт, единственный сын хозяина, — молодой человек лет тридцати, с приятной, но какой-то смятой красо-

той человека, привыкшего проводить ночи за игорным столом, а не в постели. Он поцеловал отца в щёку с показной сыновней нежностью, но я успел заметить взгляд, брошенный им на буфет с напитками, — взгляд не столько жаждущий, сколько расчётливый, точно он прикидывал в уме, во сколько обойдётся содержимое этого буфета его будущему наследству.

Эвелин Марч — воспитанница и дальняя родственница сэра Реджинальда, взятая им в дом после смерти её родителей лет пятнадцать назад. Тихая девушка лет двадцати пяти, с манерами столь безупречно скромными, что она словно нарочно старалась быть незаметной в собственной гостиной; и всё же, встретившись со мною взглядом на одно короткое мгновение, она обнаружила в глазах нечто такое — не робость, а скорее затаённое, тщательно контролируемое напряжение, — что я невольно отметил это про себя, хоть и не придавал этому тогда особого значения.

Мисс Розамунд Вэнс — невеста Седрика, эффектная молодая особа с манерами столичной львицы и смехом чуть более громким, чем того требовала любая из шуток, что его вызывали. Она сидела подле сэра Реджинальда с той непринуждённостью, что показалась мне излишней для невесты его сына, и не менее двух раз за чаепитие обращалась к хозяину дома по имени без «сэра» — деталь, которую, я заметил, Аштон отметил тоже, хоть и никак этого не показал.

Полковник Уитфилд, старый деловой партнёр сэра

Реджинальда ещё по угольным шахтам, — сухопарый джентльмен с военной выправкой и тем особым, чуть застывшим выражением лица, что бывает у людей, давно научившихся не показывать своих подлинных чувств.

Мистер Пембертон, поверенный семьи, — человек не приметной наружности, из тех, кого не запоминаешь после первого знакомства, но чьи маленькие, беспокойные глаза, как я заметил, ни на минуту не оставались в покое, обшаривая комнату, точно в поисках чего-то, что могло быть не на своём месте.

И, наконец, миссис Дабни, домоправительница, — женщина преклонных лет с прямой спиной и суровым лицом человека, прослужившего в доме дольше, чем иные члены семьи в нём прожили, и явно полагающего себя вправе судить обо всех, кто в этот дом входит.

За чаем разговор тёк своим чередом — о погоде, о предстоящей охоте, о новом автомобиле полковника Уитфилда, — покуда сэр Реджинальд, отставив чашку, не произнёс с тем самым избыточным, недобрый весельем, что я уже упоминал:

— А знаете, друзья мои, у меня для всех сюрприз. Приберегу его до понедельника — люблю, знаете ли, поддержать интригу. Скажу лишь одно: кое-кому из присутствующих следующая неделя принесёт весьма значительные перемены.

Он обвёл комнату взглядом, задержавшись — как мне показалось, нарочно — сперва на Седрике, затем на Эвелин,

затем на поверенном Пембертоне, и в комнате повисла та особая тишина, что наступает, когда всякий гость внезапно осознаёт, что улыбается несколько натянутое, чем секунду назад.

Аштон, сидевший подле меня с чашкой чая, которую, я заметил, он так и не пригубил, тихо произнёс, ни к кому в отдельности не обращаясь:

— Занятно. Человек, объявляющий во всеуслышание о грядущем сюрпризе такого рода, либо чрезвычайно наивен, либо чрезвычайно уверен в собственной неуязвимости. Сэр Реджинальд, сколько я его помню, никогда не был наивен.

Я взглянул на друга, ожидая продолжения, но он лишь покачал головой и вновь принялся разглядывать гостей с тем спокойным, коллекционерским вниманием, с каким иные разглядывают орхидеи.

Ночь опустилась на Хиллкрест-Грейндж рано, как это бывает в конце сентября, и когда мы после обеда разошлись по своим комнатам, я, признаться, не думал уже ни о каком сюрпризе, покуда среди ночи меня не разбудил осторожный, но настойчивый стук в дверь — и голос дворецкого, дрожащий почти так же, как некогда голос бедного Симмонса, звавшего нас в Уиндермур:

— Доктор Хейл, сэр... простите, что бужу, но мистер Аштон просил позвать вас немедленно. Внизу, в библиотеке. Боюсь... боюсь, что-то стряслось с сэром Реджинальдом.

Глава II. Библиотека

Я накинул халат и поспешил вниз вслед за дворецким, чьё имя, как выяснилось по дороге, было Хоббс и чьи руки, держащие свечу, дрожали столь заметно, что воск капал на ковёр всю дорогу до библиотеки.

Аштон стоял у большого кожаного кресла подле камина, в котором давно прогорели угли, и, когда я вошёл, обернулся ко мне с тем особым спокойствием, что я всегда отличал от бесчувствия: спокойствие человека, отложившего эмоции на потом, чтобы не мешали они работе, которую нужно исполнить сейчас.

— Хейл, — сказал он тихо. — Взгляните, пожалуйста, профессиональным взглядом. Боюсь, моего дилетантского недостаточно.

Сэр Реджинальд Ашворт сидел в кресле так, точно задремал за чтением, — голова откинута назад, одна рука безвольно свисает с подлокотника, другая покоится на груди. На маленьком столике подле кресла стоял стакан, наполненный на треть какой-то прозрачной жидкостью, и лежал опрокинутый пузырёк тёмного стекла, из которого вытекло на скатерть несколько капель.

Я приблизился и произвёл тот беглый, но необходимый осмотр, каким открывается всякое подобное дело: пощупал пульс, зная уже, что не найду его, приподнял веко, отметил

состояние зрачка, приняохался — по многолетней уже, увы, привычке к подобным делам — к приоткрытым губам покойного.

— Он мёртв уже, я бы сказал, часа полтора-два, — произнёс я наконец. — Аштон, вы позволите мне высказать предположение, или предпочитаете сперва изложить факты в надлежащем порядке?

— Прошу вас, Хейл. В такого рода делах порядок изложения — привилегия того, кто первым видит тело, а вы явно углядели нечто, чего не углядел я, покуда дожидался вас.

— Зрачок расширен неравномерно, — сказал я. — И вот это, — я указал на едва заметную голубоватую кайму вокруг губ, — и лёгкая испарина на лбу, при том что в комнате отнюдь не жарко. Если бы меня спросили без всякой предвзятости, я бы сказал: сердечная недостаточность, возможно, спровоцированная передозировкой дигиталиса. — Я поднял с пола пузырёк и понюхал горлышко. — Это капли наперстянки. Сэру Реджинальду, я так понимаю, было предписано принимать их по несколько капель перед сном — для сердца?

— Именно так, — раздался голос от двери. Мы обернулись и увидели полковника Уитфилда, в халате поверх пижамы, с лицом столь бледным, что оно казалось почти зелёным в свете единственной свечи. — Реджи страдал сердцем уже добрых пять лет. Доктор Соммерс из деревни прописал ему капли, строжайше предупредив о дозе — не более пят-

надцати капель за раз, иначе, говорил он, сердце может попросту остановиться.

— И сколько капель, по-вашему, было в этом пузырьке изначально? — спросил Аштон, беря пузырёк у меня из рук и разглядывая его на свет.

— Полная склянка на неделю, — отвечал полковник. — Миссис Дабни наполняла её в понедельник из большой бутылки в аптечном шкафу.

Аштон поднёс пузырёк к свету свечи и слегка наклонил, наблюдая, как остаток жидкости на дне медленно перетекает от стенки к стенке.

— Здесь осталось не более трети от недельной нормы, — сказал он. — Если сэр Реджинальд принимал капли исправно каждый вечер, начиная с понедельника, четыре дня — а сегодня, если не ошибаюсь, пятница, — то к этому часу в склянке должно было остаться заметно больше, чем мы видим. Если же кто-то влил в его стакан не пятнадцать капель, а куда более щедрую дозу разом...

Он не договорил, но необходимости в том не было — по крайней мере, для меня.

— Убийство, — сказал полковник тихо, точно само это слово могло навлечь беду.

— Или несчастный случай, — заметил Аштон невозмутимо, — если сэр Реджинальд по рассеянности или в спешке отмерил себе дозу неверно. Люди совершают подобные ошибки чаще, чем принято думать, полковник, особенно на

закате долгого и хлопотного дня рождения. Прежде чем произносить слово «убийство», я предпочитаю исчерпать все объяснения менее драматические.

Тут я, признаться, заметил на письменном столе у окна нечто, ускользнувшее прежде от моего внимания в суматохе первых минут: бумаги, разбросанные в некотором беспорядке, чернильница с пером, оставленным поперёк, точно брошенным в спешке, и лист веленовой бумаги, на котором рукой сэра Реджинальда — крупным, размашистым почерком, каким он, видимо, писал, лишь когда бывал взволнован, — было начато письмо, обрывающееся на середине фразы:

«Дорогой Пембертон, полагаю, надлежит мне известить Вас заблаговременно о моём решении относительно завещания, прежде чем объявить о нём во всеуслышание в понедельник, дабы избежать кривотолков. Я решил оставить Хилл-крест-Грейндж и большую часть капитала не Седрику, как то ожидалось прежде, но»

На этом фраза обрывалась — перо, судя по кляксе в конце строки, было брошено внезапно, не завершив слова.

— Аштон, — сказал я, — взгляните на это.

Он подошёл, прочёл написанное дважды, и я увидел, как на лице его отразилось то особое, сосредоточенное выражение, которое я успел изучить за годы нашего знакомства как верный признак: мысль его уже нашла, за что зацепиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.